

КИРГИЗЦЫ

(Отрывок из повести “*Якуб-Батырь*”, соч. А. П. Крюкова)¹

Повесть, из которой здесь предлагается отрывок, написана назад тому несколько лет. Автор желал изобразить в ней нравы, обычаи, суеверия и обряды достопримечательного народа, который, живучи с нами в весьма тесной связи, менее, может быть, нам известен, нежели дикие обитатели Африки и Нового Света. Герой повести — *Яков* или *Якуб-Батырь*, как называли его киргизцы, есть русский, с малолетства захваченный в плен ордынцами и совершенно присвоивший себе их веру, язык и привычки; но он сохранил и твердость духа, и крепость телесную, и приятную наружность, сродную потомкам древних славян.

К.

Внутренность киргизской кибитки походит на внутренность полушара. Основание ее составляют тонкие деревянные решетки, выкрашенные красною краскою. Бока кибитки обведены внутри *чиями*, родом соломенных рогож, переплетенных разноцветной шерстью. Сверху и с боков она укутана войлоками, так что открывается одна только дверь и, при надобности, самый верх для выхода дыма.

Против самого входа в кибитку на коврах и подушках сидел, поджавши ноги, султан Нуралий,

старик с белою как нег бородою и полным, румяным лицом.

Несколько других *аксакалов* (т. е. белобородых) сидели по сторонам Нуралия и, занимаясь важными суждениями о народных делах, не забывали осушать чаш с *кумысом*, которые подносила им старая баба. В это время вошел Яков. Он сделал приветствие султану и старикам, положив, по киргизскому обычаю, обе руки на грудь, склоняясь всем телом и сказав: *ассалау-маликым* (т. е. желаю здравия). Все старики отвечали ему тихо и протяжно: *маликым-ссалым*. Потом молодой человек пожал у всех руки обеими своими руками с видом глубочайшего почтения и занял приличное место. “Что, Якуб,— спросил его Нуралий,— осматривал ли ты наши стада?” — “Осматривал, степенный султан! все, слава богу, благополучно. Твоя любимая кобыла принесла *черного* жеребенка. С верблюдов и овец сняли множество шерсти. Только волк повадился резать наших баранов. Прошедшею ночью опять удалось ему одного утащить. Но я с ним разделаюсь. Мы согласились уже с Баймахмутом ехать под вечер на охоту и отыскать нашего вора. Шкуру его привезем тебе, степенный султан, на теплый *малахай*”. — “Хорошо; только не сули шкуры, не затравив зверя. Справедливость этой пословицы испытал я на себе. В холодную зиму, когда убили хана Абурхаира, ночевал наш аул на берегу Аральского моря, в больших камышах. Все было хорошо; лишь один огромный кабан не давал покою нашим стадам. Вот я и сказал блаженной

памяти моему родителю султану Досгалию: я убью проклятого кабана и привезу тебе его голову. На другой день, взявши собак, поехал я с несколькими товарищами в камыши, где жил кабан. Нашли мы его и подняли с места. Удаляясь от нас, кабан ужасными своими клыками резал толстый камыш, попадавшийся ему на пути. Мне первому удалось настичь зверя и вонзить стрелу в его спину. При сем случае, по неопытности

93

моей, я не догадался удалиться с пути, по которому бежал зверь, а известно, что он, будучи ранен, обращается назад по прежним следам и ищет того, кто его ранил. Кабан мой, оборотясь, кинулся на меня с такою яростию, что я напрасно хотел ему противиться. В одно мгновение распорол он брюхо у моей лошади и, если бы товарищи криком и ударами его не прогнали, то не бывать бы, друзья, мне теперь с вами! Вот каково обещать шкуру, не убивши зверя!” Все собрание с великим вниманием слушало рассказ Нуралия и благодарило небо за его спасение. Между тем новые старики беспрестанно входили в кибитку и после обычных приветствий чинно садились по местам, так что наконец около кипящего котла составилась круг *аксакалов*. Начали разбирать разные народные тяжбы и судить обидчиков и нарушителей общественных прав. Законы их, основанные на предании, не были начертаны ни на мраморных скрижалях, ни на медных досках, но зато неизменная память

сохранила их со всею простотою древних патриархальных времен. Султан изрекал приговоры, старики утверждали их, и всякий подсудимый с трепетом повиновался решению стариков. Послушаем их суждений: “Доскара убил Телюгбая; родственники сего последнего могут два года преследовать убийцу и погубить его; но если он в течение сего времени избегнет их наказания, то должен дать родственникам убитого сто лошадей, одного невольника и двух верблюдов”,— так произнес султан Нуралий. “Соглашаемся”,— сказали старики, поглаживая бороды. “Бурюк украл у Темир-ира двух баранов. Да отдаст за сие Темир-иру 18 баранов, по обычаю прошлых времен”.— “Соглашаемся”.— “Розумбай дерзнул обесчестить Мухаметя, схватив его за бороду; за сие должно высесть Розумбая нагайками, так чтоб он долго помнил сие наказание”.— “Соглашаемся, соглашаемся”,— повторяли *аксакалы* за каждым решением султана. Сим окончились суждения. Баранина в котле уже приготовилась. Все присутствующие вымыли руки и прочли короткую молитву; после чего невольник (или *язурень*) из казанских татар приступил к исполнению должности повара и *метр-д-отеля*. Он вынимал из бульона куски баранины, крошил их в больших деревянных чашках на мелкие кусочки и в таком виде подавал чаши Нуралию, который передавал их почетнейшим из гостей. Кушанье сие, называемое *бишбармак* (т. е. пять пальцев), ели они с величайшею жадностию и, сообразно с его названием, пятью пальцами. Кому

султан хотел оказать особенное свое благорасположение, тому клал он в рот большую горсть мяса собственною своею рукою — и гость, отличенный сею милостию, поглядывал на других с улыбкою самодовольствия, даже старался надувать щеки, чтоб увеличить в глазах собеседников количество положенной ему в рот пищи и важность благоволения, ему оказанного. Станный предрассудок, но и в просвещенных народах не случается ли, что пустое слово вельможи, на ухо сказанное, *пучит*, так сказать, наружность бедного честолюбца и рождает ему многих завистников. Обратимся к киргизцам. Самые беднейшие из гостей довольствовались костями, которые они обгладывали весьма чисто. Впрочем, *аксакалы*, наполняя желудки свои *бишбармаком*, не забыли главной причины собрания. Она состояла в следующем: Джаламан, старшина джигилтинского рода, величайший степной разбойник, в начале прошедшего лета напал на аул Нуралия и отогнал несколько лошадей и верблюдов. Народная польза требовала отмщения. Узнали, что Джаламан кочует недалеко и что лучшие его *батыри* отправились разбойничать на русскую границу. Вот удобное время сделать *баранту* или нападение на

Джаламанов аул и возвратить похищенный скот. По решению *аксакалов* должно было немедленно приготовиться *баранте*. *Якуб-Батырю*, или

просто Якову, как храбрейшему из всех ордынцев Нуралиевых, поручено предводительство над киргизцами. “Много раз, сын мой,— говорил ему Нуралий,— отличался ты в ратных подвигах, и во всей орде нет витязя, тебя могущественнее; а потому я надеюсь, что в настоящем народном деле ты оправдаешь ту отеческую любовь, которую я к тебе чувствую. Возьми лучшего из моих коней, возьми мой панцирь, мою персидскую саблю и булатное копьё мое и завтра поутру отправляйся к аулу буйного Джаламана. Баймахмут, мой племянник, поедет с тобою. Не покидайте друг друга в опасностях — и да сохранит вас Бог и Моггамет, пророк его!” Яков отвечал на сию речь изъявлением преданности и пошел приготовиться к молодецкому подвигу; а за ним разбрелось и все седобородое собрание, исчерпав наперед весь кумыс из огромной *сабы*.

Хлопотливое суеверие не участвовало на сей раз в приготовлениях к *баранте*, ибо характер Якова был выше слепых предрассудков, господствующих между ордынцами. Он не верил нелепым предсказаниям *фалшей*, звездочетов киргизских; не хотел, чтоб *бакзы* употребили в его пользу нечистых духов, с которыми они дружны; не заставлял *ярунчей* предсказывать ему темное будущее по таинственным трещинам на брошенной в огонь бараньей лопатке или по звукам сотрясаемой тетивы, но, надеясь более всего на крепкий булат и могучую руку, старался острее наточить свою персидскую саблю.

Вот уже воинственная толпа, перевалиясь чрез горный хребет Буканбайтау, явилась среди

необозримой равнины, лежащей между песками и хивинскими караванными дорогами. Положено было переночевать у колодца *Сур-Кудука* и на утренней заре отправиться к озерам *Челар* и *Юрман*, близ которых, по верным известиям, находилось кочевье Джаламана. Ордынцы ехали широким шагом, переменяющимся иногда в легкую рысь. У каждого из них была заводная лошадь, а в тороках висел *турсук* с кумысом и мешок с съестными припасами. Лучшие из батырей были одеты с головы до колен в крепкие стальные кольчуги, и все вообще имели за плечами огромные ружья или луки и колчаны, на поясе сабли, а в руках длинные - зыбкие пики, которыми ордынцы делают чудеса в гибельных своих сшибках. Одни из наездников тихо разговаривали между собою; другие напевали заунывные песни, содержанием коих по большей части было настоящее положение полудиких певцов. Каждый киргизец — импровизатор. Довольно самого обыкновенного случая жизни, самого обыкновенного явления в природе, чтобы воспламенить восторг в пылком ордынце и заставить его без приготовления выражать нестройными звуками нестройные чувства души свободной и горделивой. Итак, одни говорили, другие пели; но всех достопримечательнее были те, которые не пели и не говорили. Это были ордынцы, закореневшие в разбоях, выдавшие тысячу раз кровавые ужасы *баранты*. Они ехали с молчаливою важностию и зорким оком посматривали направо и налево, вперед и назад, как волк, вышедший на добычу, или как беркут,

плавающий по воздуху над необозримым пространством степей.

Батырь-Якуб и воинственный Баймахмут ехали рядом и заранее сговаривались о средствах нападения на Джаламанов аул. Истинное удовольствие сияло в глазах Якова. Двадцатидвухлетнему его самолюбию льстила рабская покорность ордынцев, и в пылкую душу вкрадывалась жажда почестей и желание гибельной славы. Во глубине сердца

95

творил он обет удивить своим мужеством знаменитейших батырей — и святая Русь была забыта в сию торжественную минуту.

День склонялся к вечеру, и вожак, старый киргизец, говорил, что до места ночлега оставалось не более киргизского переезда. Утомленные батыри начали поторапливать своих коней... Как вдруг, в правой стороне, на краю горизонта показалась большая толпа, над которою вилось облако пыли.

При сем явлении батыри наши остановились; между ними начались толки, обыкновенные в подобных случаях. “Что это за люди?” — спрашивали одни из них.— “Русские”, — отвечали другие.— “Нет; это ордынцы”, — говорили третьи.— “Точно ордынцы! — сказал один старый батырь,— это, без сомнения, Джаламановы люди, возвращающиеся с баранты”.— “Да, да, Джаламановы люди”, — зашептали все и с тайным страхом поправлялись

на седлах и осматривали свое оружие. “Надобно от них удалиться”,— говорили робкие наездники.— “Надобно засесть в овраг и напасть на них нечаянно”,— ворчали старые, закоренелые в боях батыри.— “Надобно ждать их на месте и узнать, кто они: друзья наши или враги”,— сказал Яков спокойно — и все повиновались его решительной воле.

Между тем незнакомая толпа подвигалась ближе и ближе. Уже можно было различать коней от всадников, сталь оружия от цвета одежд. Казалось, заметив наших батырей, она на минуту остановилась, как бы в нерешительности, что ей делать, и потом поехала скорою рысью прямо на них.

Это были точно ордынцы. Табун лошадей, отчасти навьюченных разною поклажею, которых гнали они перед собою, заставлял думать, что шайка их совершила удачный набег на Линию или счастливо ограбила смирных букеевцев² в их песчаных степях. Надеясь на свое множество, сии наездники смело ехали на наших батырей; но решительность сих последних заставила наконец незнакомцев остановиться.